

ментом в виде вазонов и букетов (см. рис., стр. 174). Отличительные особенности вышивки на рушниках из с. Клембовки Винницкой области — сложность цветовой гаммы, сочность красок и оригинальность орнамента.

Бело-серебристая тонкая гладь была представлена на полтавских мужских сорочках; близка к ней вышивка на киевских сорочках-чумачках с мягким по тону растительным орнаментом. На подольских же сорочках орнамент четкий, геометрический, а расцветка преобладает черная. Вышитые сорочки Прикарпатья, так называемые гуцулки, отличаются от остальных не только орнаментом, но и теплой, золотистой расцветкой вышивки.

В последние годы на Украине широко вошли в быт блузки из крепдешина или другого шелка с тонкой бело-серебристой, серо-голубой, желто-золотистой, черно-красной и черной вышивкой, которые также были экспонированы на выставке.

В отделе ковров особое внимание привлекал килим «Дружба», вытканый в артели имени Т. Г. Шевченко. Этот ковер — большого размера, около 13 м²; в его кайму вплетены гербы Советских Социалистических Республик, а в центре помещен герб СССР. Эти эмблемы удачно сочетаются с традиционным гуцульским орнаментом ковра.

В отделе керамики были выставлены декоративные кувшины, миски, вазы, графины, баклажки и куманцы — сосуды для вина, некоторые — в форме львов и баранов, около полусотни глиняных игрушек-свистулек, большей частью расписных петушков, уток и гусей, коников, коров, козочек и особенно баранчиков, излюбленных гончарами-игрушечниками.

Коллекция резьбы по дереву отличалась тонкостью и художественностью отделки — это декоративные шкатулки, тарелки, пудреницы, грибки для штопки, сахарницы, баклаги, графин с чарками, ваза и пр. Часть изделий украшена дополнительно инкрустацией из разных пород дерева, перламутра, бисера и металла. Споспобом инкрустации на одной баклаге выполнены фигуры спортсменов, а на восьмигранной вазе — портрет Ивана Франко, надгробный памятник Камыняру и шесть изображений, посвященных произведениям писателя, отображающим борьбу украинского народа против классовых угнетателей и за национальную независимость.

Выставку «Современное украинское искусство» в ГМЭ посетило около 200 тыс. человек.

А. С. Бежкович

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ В БАРАГХАНСКОМ СЕЛЬСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Барагханский сельский краеведческий музей Курумканского аймака Бурятской АССР возник недавно. Его первыми экспонатами были бурятские национальные костюмы, в которых выступали на клубной сцене участники улусной художественной самодеятельности в концерте, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. С тех пор музей улуса Барагхан накопил интересный опыт, развернув значительную краеведческую и этнографическую экспозицию. Отрадно отметить, что сельское население улуса проявило живой интерес к созданию музея. В результате совместных усилий музей пополнился подлинными предметами труда, убранства жилища, домашней утвари, характерными для дореволюционного и современного быта и культуры бурят. Пополняя экспонаты музея, колхозники всячески стремятся шире отразить в нем те разительные перемены, которые произошли в жизни бурятского народа за годы социалистического строительства.

Мы вместе с председателем колхоза им. Карла Маркса Г. Э. Дамбаевым проехали по бывшим кочевьям курумканцев. Во время этой поездки нам удалось обнаружить в 35 км от Барагхана, в местности Хасхал Харамодунского сомона (сельсовета) Курумканского аймака, где раньше находилось кочевье братьев Дамбаевых, стоянку первобытного человека. В русле высохшей речки Хасхал мы нашли железные наконечники стрел и оригинально орнаментированные обломки глиняных сосудов. Можно предполагать, что в Хасхале производился обжиг гончарных изделий. Позднее аналогичные обломки были обнаружены на левобережье р. Баргузин в хунтэйских (куйгунских) степях. До этого древнее гончарное производство у бурят не было зафиксировано.

В экспозиции музея имеется старинная бурятская коса «бохир хажуур». Ею можно косить сено в обе стороны (известно, что обычной русской косой-литовкой косят в одну сторону — справа налево). Очень интересна «улаан аяга» — чашечка, изготовленная из нароста на стволе березы. Из такой чашечки буряты ели суп и молочные продукты. Рядом с ней демонстрируется деревянное корытце «хидага», или «тэбшэ», которое у скотоводов заменяло поднос или блюдо под мясо. Тут же мы видим «нюдуур» — деревянную ступку с деревянной же колотушкой «мунса», где дробили зеленый или черный, кирпичный чай. Среди баргузинских бурят была распространена берестяная посуда для сметаны и масла — туски (туйсэ), также представленные в экспозиции.

Нельзя не упомянуть и о деревянной чашечке «аяга» с серебряным ободком, переданной в музей колхозником Цыбенем Мужановым. Чашечка эта раньше была в Цаган-нурском дацане и принадлежала ламе-габже¹ Шойрону Бидашкину. Мужанов принес и другой экспонат, связанный с буддийским культом, — бронзовый колокольчик «хонхо», которым пользовались ламы при богослужении. Он же подарил музею миниатюрный барабан «дамари» из дацанского оркестра. Сельский библиотекарь Радна Ешонов пополнил фонды колхозного музея шапкой «ободэ», которую носят ламы-гэлэны². Заботу о пополнении музея предметами буддийского культа проявляют не только молодые колхозники Барагхана, но и люди преклонного возраста. Полной неожиданностью для барагханского сельского актива явился подарок 68-летнего колхозника Цырена Типхарова, принесшего буддийскую икону «сагаан дархан», написанную масляной краской на шелковой ткани. Престарелая колхозница Надмит Пихуева передала другую икону — «ногоон дархан». Иконы сагаан (белого) и ногоон (зеленого) дарханов (кузнецов) дают возможность судить о том, какие древние, добуддийские культы кузнецов использовали ламы в своих позднейших канонах, чтобы обратить бурят-шаманистов в свою веру.

В Барагханском музее полнее всего представлены предметы культа. По этим экспонатам можно восстановить кое-что из истории проникновения буддизма к бурятам, проживающим в Забайкалье. Музей приобрел любопытную бронзовую мемориальную медаль, отлитую на монетном дворе в Петербурге по заказу настоятеля (шре-туя) Эгетуйского дацана. На оборотной стороне медали выгравирована надпись: «Эгетуйский дацан. 22 июня 1900 г.» Экспонат этот красноречиво свидетельствует о тесной связи буддийского духовенства с царским правительством.

Многие вещи культового происхождения, экспонируемые в музее, представляют собой интересные произведения народного прикладного искусства дореволюционной Бурятии. Таковы медные статуи божков из буддийского пантеона, а также дикой козы «боды» и быка, которые у буддистов считаются священными животными. Другие предметы культа — баран (дамари) и медные тарелки (сан) — имеют отношение к народным музыкальным инструментам бурят, в свое время заимствованными ламами. По этим и другим предметам ламаистского культа можно судить о старом быте бурят Забайкалья в целом и Баргузинской долины в частности. Эти вещи бытовали не только в дацанах, они имелись также в юртах и избах бурят, исповедовавших ламаизм. Таковы, например, жертвенный сосуд (су сэ), в котором хранили перед божницей зерна, кувшинообразный бронзовый чайник (бумба) со «святой» ключевой водой (аршан), ладница (бойбор), в которой курилась благовонная горная трава (арса). Любопытно, что бронзовый бойбор вместе с перьями (сабду) павлина сдала в музей за ненадобностью школьница, заявившая, что набожная бабушка умерла, а родители ее не держат в чайнике священную воду и не умывают божков перьями павлина.

В музее хранятся ножные кандалы, в которые были закованы лицейские друзья А. С. Пушкина — братья В. и М. Кюхельбекеры, отбывавшие ссылку в Баргузине. Этот экспонат доставлен сюда директором Курумканского промкомбината И. И. Поповым.

На первом этапе своего существования музей ограничивался только собирательской деятельностью. В последнее же время он в меру своих сил начинает вести научно-исследовательскую работу. Музеем руководит молодой энергичный колхозник Х. У. Сангадиев — секретарь комитета ВЛКСМ колхоза им. Карла Маркса. Ему постоянно помогает упомянутый выше председатель правления этого колхоза Г. Э. Дамбаев — инициатор создания музея. Дамбаев в прошлом был преподавателем истории в средней школе. Когда коммунисты избрали его секретарем партийной организации колхоза, он ездил в южную Бурятию, чтобы изучить опыт культурно-просветительной и массово-политической работы передовой жаргалантуйской сельскохозяйственной артели им. Э. Тельмана Селенгинского аймака, находящейся в 500 км от улуса Барагхан. В Жаргаланте Дамбаеву понравился колхозный краеведческий музей со значительной этнографической экспозицией. Вернувшись из Жаргаланты, он приступил к организации своего сельского музея, который и был создан к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. И сейчас Дамбаев является консультантом по многим вопросам, связанным с музеем. Будучи занят руководством крупнейшим колхозом, он не забывает и о научной работе. Он автор двух книг по колхозному строительству и партийно-политической работе в больших сельскохозяйственных артелях³. Планирует Дамбаев и сбор материалов по топонимике Баргузинской долины. Результаты его работы обогатят Барагханский музей ценными данными по расселению бурятских и эвенкийских племен у подножья Баргузинского хребта. Материалы Дамбаева, безусловно послужат хорошим подспорьем при дальнейшем изучении этногенеза этих двух народностей, населяющих Баргузинскую долину.

Дамбаев — не единственный, кто помогает Барагханскому сельскому краеведческому музею в развертывании научной работы. Очень большую помощь оказал музею

¹ Габжа — духовная степень у буддистов-ламаистов.

² Гэлэн — буддийский монах-лама, давший 250 обетов.

³ Г. Э. Дамбаев, Колхоз им. Калинина, Улан-Удэ, 1957; Г. Э. Дамбаев, С. И. Никифоров, Партийная организация колхоза в борьбе за повышение продуктивности животноводства. Улан-Удэ, 1958.

колхозный бухгалтер Шагжи Аршанов, бесценно работающий в этой должности с первого дня организации колхоза (1929). В Барагхане нет лучшего знатока истории и экономики колхозного улуса за последнюю четверть века. В дар музею он передал ценную реликвию — медную печать первой Барагханской сельскохозяйственной коммуны «Гэгээрэл» («Просвещение»), возникшей в 1929 г.

Музей не ограничивает свою научную работу привлечением только местного актива. Он часто обращается за помощью к сотрудникам Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР: тибетологу Р. Е. Пубаеву, географу-краеведу Б. Р. Буянтуеву и пишущему эти строки. Буянтуев подарил музею свою книгу «Баргузинская долина», содержащую обзор природных условий, хозяйства и перспектив развития Курумканского и Баргузинского аймаков. Тибетолог Пубаев дал научное описание ряда буддийских предметов культа. В музее экспонируется бронзовая чашечка-масленка «наһата» или «олто» (род подсвечника перед божницей). Когда фитиль в масленке зажжен, она носит название «зула». Самое зажигание фитиля называется по-бурятски «зула» (свечу), по-тибетски «бадраа» (зажечь). В Барагханском музее экспонируется маленькая наһата, вмещающая 150—200 г масла. В Монгольской Народной Республике бывали наһата, называвшиеся вечными (мунхэ наһата), которые вмещали до 5 кг масла. По сведениям же Р. Е. Пубаева, тибетские мунхэ наһата вмещают 5 ц масла.

Создание музея способствовало культурному развитию колхозников. Люди наглядно увидели, как былой полукочевой быт бурят коренным образом преобразовался на социалистических началах. Показательно, что в Барагхане консультации по материальной культуре бурят и беседы об ее этнографическом исследовании вызвали огромный интерес и послужили стимулом дальнейшего изучения этнографии Курумканского аймака местной интеллигенцией и колхозными активистами.

В музее экспонируются бурятский охотничий лук из рога и стрелы к нему. Форма лука — общенациональная, но название деталей имеет диалектные особенности. Барагханские буряты говорят на баргузинском диалекте, близком бурятам-эхиритам, проживающим в Усть-Ордынском бурятском национальном округе Иркутской области. Именно на предметах материальной культуры легче всего проследить близость и имеющиеся отличия между баргузинским и эхиритским диалектами. Так, например, на общелитературном бурятском языке, в основу которого положен хоринский говор, наконец стрелы называется «зэбэн», а баргузинцы именуют его «гэлбэр». Утолщенная шишковидная часть стрелы со сквозными отверстиями на литературном языке носит название «болсу», а буряты Курумканского аймака называют ее еще и по-баргузински «зэн». Согласно сведениям, полученным автором от большинства жителей Барагхана, это общепаргузинский термин. В подтверждение таких сведений барагханский ветеринарный врач Лубсама Гармаева, хороший знаток бурятских народных видов спорта, привела ряд фольклорных данных.

До последнего времени в этнографической литературе было известно, что стрельба из лука по камышовым щитам (бай-харбан) имела распространение лишь в Тугнуйской долине. Материалы Барагханского музея показывают, что в долине р. Баргузия бай-харбан был широко распространен. Зато баргузинцы до революции не знали такого вида спорта, как «сур-харбан» — стрельба из лука по бабковидным связкам трубчатых растений. Такое название носит и национальный праздник, ныне распространенный во всех аймаках Бурятской АССР. На наш взгляд, было бы целесообразно распространять именно бай-харбан, как наиболее древний вид бурятского спорта, ибо сур-харбан — позднее наследие в национальном спорте бурят. Общественные организации и местная печать подтверждают точку зрения этнографов о желательности возрождения бай-харбана.

Материалы музея, беседы со старожилками улуса Бато Доржиевым (рожд. 1897 г.) и Санжи Зуртановым (рожд. 1888 г.) помогли мне установить, что в Баргузинской долине, кроме бай-харбана и сур-харбана, бытовала еще третья разновидность стрельбы из лука — «нур-харбан» («нур» называли бабки, которые при помощи ременной завязки подвешивали между двумя столбами; при попадании стрелы нуры раскачивались).

С. Зуртанов и Б. Доржиев помогли мне описать некоторые детали игры в бай-харбан. Общепринятым термином, которым называли число очков, является бурятское слово «оно» (попадание). Величина камышового (или соломенного) щита на бай-харбанах определялась длиной и шириной тетивы лука. Щит (бай) не подвешивался, а имел сзади опоры из колышков (гадаһан). Над щитом обычно висела шапкообразная (малагай) фигура из камыша. Кто попадал в эту «шапку», тому засчитывалось сразу пять очков. Каждое попадание в щит давало очко. Черта, на которой находились спортсмены-лучники, была удалена от щита на расстояние ста тетив. Экспонируемый в музее лук колхозника Гомбо Цыренова имеет тетиву длиной в 150 см.

Музей в качестве экскурсоводов-консультантов привлекает местных жителей, которые дают приезжим посетителям объяснения о пище, одежде, обработке овчин, предметах культа бурят. Они, например, подробно объясняют порядок угощения гостей мясной пищей. У баргузинцев, как и у всех бурят, принято трубчатую кость (сэмгэн) класть нижней частью к гостю. Особо ориентированы и такие мясные угощения, как голова барана (тоолэй), позвонок (һээр), ребра, крестец: голова барана подается носовой частью к гостю, позвонок — головкой вперед, а баранье ребро кладется на

поднос или тарелку позвоночной частью к гостю. В Баргузинской долине, как и во всем Курумканском аймаке, расположенном в бассейне Баргузина, существуют строгие правила угощения мужчины и женщины: так, голову барана «тоолэй» подают только мужчине, а крестец «ууса» — женщине.

В южной Бурятии любимое блюдо — «сагаан махан» — вычищенная баранья или говяжья толстая кишка, вывернутая наизнанку. Начиняют кишку тонко нарезанной брюшиной. Баргузинские буряты называют это блюдо «хошконог». Такое же название бытует у бурят, проживающих в Иркутской области. Эти данные по материальной культуре — еще одно доказательство правильности родоплеменных преданий об эхиритском (верхсленском и западнобайкальском) происхождении баргузинцев. Заслуга Барагханского музея в том, что он собирает материалы, дающие верное понимание этногенеза местного населения.

Данные музея позволяют судить о некоторых различиях в способе приготовления одноименных продуктов питания у хоринских и баргузинских бурят. Например, у баргузинцев домашняя колбаса «хиимэ», или «зрезлэ», в отличие от хоринского способа приготовления, не начиняется мозгами, а готовится только из мяса. Заведующий сельским клубом Барагхана Д. Х. Бадмаев, помогая музею, внес ясность в названия некоторых видов пищи и уточнил порядок забоя скота. Так, буряты после съема шкуры животного сразу же отделяют от туши грудную кость вместе с пашиной. Музей дает материал для уточнения местных названий и ряда молочных продуктов. Например, употребляемая в пищу в Селенгинской долине творожистая масса «ээрмэг» в Курумкане и Баргузине называется «земер». Снятое перебродившее молоко известно у хоринских, агинских, селенгинских, джидинских бурят под названием «айрак». Баргузинские же и иркутские (эхиритские, боханские, аларские) буряты называют айрак «хурэнга» и готовят его в виде кефира. До недавнего времени в колхозных животноводческих гуртах из хурэнги перегоняли молочную водку «архи». Один из активных организаторов музея Дамбаев выступил инициатором прекращения производства алкогольных напитков. В результате этой борьбы в колхозных гуртах перестали перегонять архи, что позволило значительно оздоровить семейный и общественный быт колхозников. В музее показано, что хоринцы, селенгинцы и буряты Иркутской области вместо архи готовят безалкогольный напиток «сагаа» (бозо).

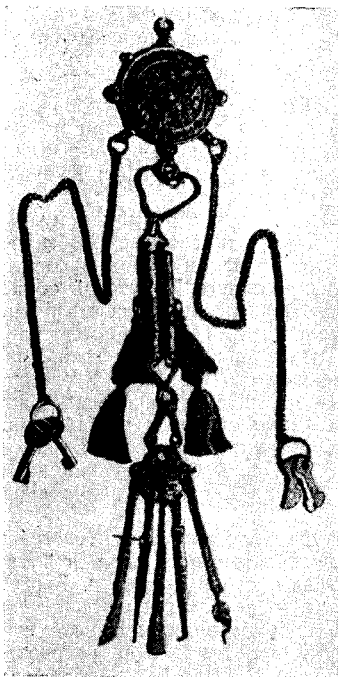

Рис. 1. «нанжуурга», или «шэмхуур» — женское нагрудное украшение, имевшее широкое распространение в долине р. Баргузин
Фото здесь и ниже С. И. Глазунова

В настоящее время музей готовит экспозицию, показывающую новый быт колхозных животноводов. Для развертывания ее в распоряжении музея имеется немало ценных материалов.

Музей показывает не только различия в названиях одежды, но и локальные особенности самой одежды бурят. Так, если южные бурятки носили кистеобразное украшение на одном из боков верхнего платья, именуемое «сондой» (у хоринцев) и «боорэнхэй» (у кяхтинцев), то это же украшение отличается здесь в деталях и орнаменте: сондой снабжен длинной шелковой кисточкой, а пинхуза имеет три отдельные короткие кисточки; при шитье сондой использовали рисунок самого материала, а пинхуза богато орнаментировалась; основной цвет пинхузы — синий, вышивка — бордовой, красной, причем в узоре причудливо сочетаются бурятские и эвенкийские мотивы.

Женское украшение «шэмхуур» у баргузинских бурят называется «нанжуурга» (рис. 1). Его носили с правой стороны, а с левой — небольшой нож. По материалам музея нам удалось уточнить местное название женского нагрудного украшения «нимбу», известного в Курумкане как «сахюусан» (рис. 2). В таком украшении хранили изображение буддийского божества и молитвенное закливание, которое читали владелице сахюусана перед смертью. Хоринские бурятки носили на груди ниже сахюусана амулет «гуу», известный в Баргузинской долине под названием «урэл сумэ» (рис. 3). Набожные женщины приписывали сахюусану три значения: охранителя от нечистой силы, от болезней и для загробной жизни. Мужчины носили на груди «урэл гэр», который в отличие от одноименного женского амулета представлял собой не металлическую (серебряную) коробочку, а кожаную сумочку величиной меньше спичечной коробки, носимую на шее на шелковом шнулке. Старики, исповедывавшие буддизм, долж-

ны были перед смертью сорвать шнурок, открыть сумочку «гуу» (урэл сумэ, урэл гэр), достать из нее и проглотить семена трав, которые якобы помогут им возродиться в теле новорожденного младенца или попасть в рай.

Заведующий Барагханским сельским клубом Д. Х. Бадмаев, принимающий активное участие в работе музея, дал описание культа огня, которому поклонялись баргу-

Рис. 2. Крышка женского нагрудного украшения «нимбу», известного в Курумканском аймаке под названием сахюусан

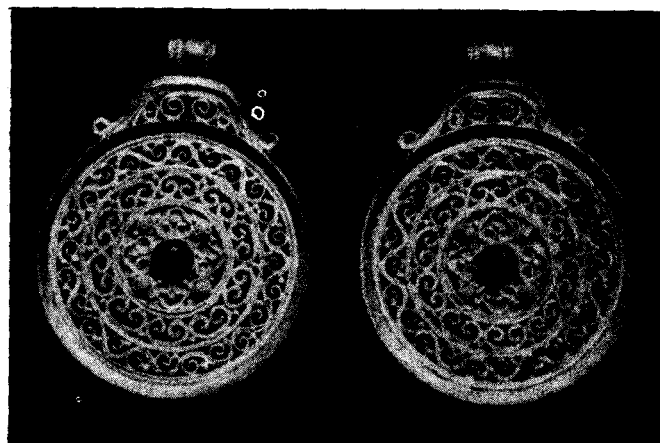

Рис. 3. Крышки амулета «урэл сумэ»

зинские буряты. Древнебурятский культ огня отражается во многих родоплеменных преданиях, легендах и лексике, в народном творчестве жителей Баргузинской долины. Особенно сильны пережитки культа огня у эхиритов — предков баргузинских бурят.

Барагханский музей стал заметным очагом культуры не только в своем улусе, его часто посещают жители других селений Курумканского и Баргузинского аймаков. Посетители из соседних аймаков приезжают в Барагхан не только в качестве экскурсантов, но дают советы и пополняют музей новыми экспонатами. Рабочий Журавлиханского лесоучастка Баргузинского леспромхоза К. Е. Толстихин после ознакомления с этнографическими материалами музея сообщил, что до последнего времени у русских крестьян Баргузинского аймака бытует бурятская молочная кухня. По его словам,

в деревне Малое Уро Баргузинского аймака, уроженцем которой он является, русские колхозники умеют изготовлять сухой сыр «аарсу» (называя его «арисун»). После сушки в печке или на солнце он становится рассыпчатым, мелкокомковатым. Таким его и употребляют в пищу. По словам Толстихина, русский арисун по сравнению с бурятской аарсой более пресен. Любимое блюдо в русских семьях этой же деревни — бурятский «саломат» — мучная каша, приготовленная на сливках или на устоявшейся сметане. До недавнего времени русское население Баргузина любило и умело готовить бурятский «зутаран сай» — зеленый чай на молоке с бараньим жиром и солью. В дореволюционной этнографической литературе зутаран сай известен как бурятский «чайный суп». Толстихин отмечал, что крестьяне из его деревни не умели готовить только один из бурятских молочных продуктов — архи, хотя в русской деревне Сахули Курумканского аймака этот вид водки раньше делали бурятским способом. Факты, приведенные Толстихиным, говорят о взаимном влиянии русского и бурятского населения. Буряты научились у русских пашенных крестьян культуре земледелия, а русские крестьяне восприняли от бурятских скотоводов способы приготовления молочных продуктов.

Барагханский музей из своего фонда охотно уступает сельскому ансамблю народных инструментов часть национальных музыкальных инструментов: лимбу, хучиры, старинный хур, усовершенствованные хуры и др. Драмкружковцы часто пользуются музейными национальными костюмами.

Барагханский музей — не застывшее хранилище, отражающее лишь прежнюю жизнь. Он не только показывает отмирание пережиточных явлений, но сам активно вторгается в жизнь, борется за утверждение новых коммунистических начал в быту и культуре сельского населения.

И. Е. Тугутов

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

Научно-исследовательская работа сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР в 1950—1954 гг. была посвящена одной из важнейших проблем советской этнографической науки — исследованию современной культуры и быта народов. В результате работы над данной темой этнографы Казахстана собрали значительный материал по современной культуре казахов и уйгуров. Эти материалы были обобщены в виде статей, составивших 3-й том «Трудов Института истории, археологии и этнографии АН КазССР»¹. В этих статьях, а также в диссертационных работах, выполненных в эти годы, сделана попытка осветить процессы преобразования национального быта и доказать произошедшую в Казахстане культурную революцию.

К сожалению, в этих публикациях и работах выявился ряд недочетов, в значительной степени обусловленных слишком односторонним подходом к изучению культуры и быта народа. Из-за недостаточно глубокого изучения авторами дореволюционной культуры описание преобладало над исследованием. Авторы не разрешили стоявшей перед ними задачи конкретного показа путей формирования современной культуры и быта казахского народа. В связи с этим в последующие годы (1955—1958) перед этнографами Казахстана было поставлено в качестве одной из важнейших задач всестороннее исследование традиционной казахской культуры. Необходимо было создать базу для решения ряда исторических проблем, тесно связанных с этнографией, — таких, как этногенез, история культуры и искусства казахов и т. д. Стало ясно, что только на основе такого исследования можно было перейти к подлинно научному и глубокому изучению закономерностей преобразования быта и культуры в эпоху социализма и перехода к коммунизму.

Основная тема в области этнографии, над которой работает институт с 1955 г., участие в составлении Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана. Эта работа ведется в координации с Институтом этнографии Академии наук СССР. Составление Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана тесно связано с современным этапом развития этнографической науки, требующим солидной научной базы для разработки обобщающих трудов. Такая база может быть создана лишь путем систематизации и введения в научный оборот всех накопленных материалов и восполнения пробелов в этнографической изученности народов.

В 1955—1959 гг. велась работа по учету и отбору этнографических материалов из различных источников: литературных, музейных, архивных и главным образом полевых экспедиционных. Для изучения обширной этнографической литературы по казахам было предпринято составление библиографического указателя с подробной аннотацией каждой публикации, указанием тематики, места и времени исследования, краткой характеристики содержащихся сведений. В результате создан довольно полный алфавитный каталог — 4 тыс. названий, большинство их аннотировано. На базе

¹ Алма-Ата, 1956.